

УДК 821.161.1.09

Ю. В. Якубина

Гоголь и Кулжинский: биографико-литературный дискурс

Стаття присвячена темі "Гоголь і Кулжинський". Метою статті є окреслення можливого "діалогу" двох авторів у локусі Гімназії вищих наук, а також визначення текстуальних і сюжетних точок перетину в ідилії "Ганц Кюхельгартен" Гоголя і "Малороссийской деревне" І. Кулжинського, створених приблизно в один час.

Ключові слова: дискурс, Гімназія, література, творчість, Петербург, Ніжин, дихотомія "столиця – провінція".

Статья посвящена теме "Гоголь и Кулжинский". Целью статьи является определение возможного "диалога" двух авторов в локусе Гимназии высших наук, а также текстуальных и сюжетных сходений идиллии "Ганц Кюхельгартен" Гоголя и "Малороссийской деревни" И. Кулжинского, созданных приблизительно в одно время.

Ключевые слова: дискурс, Гимназия, литература, творчество, Петербург, Нежин, дихотомия "столица – провинция".

The article is devoted to the theme "Gogol and Kulzhinsky". Its relevance is due to the modern attitude of Gogolists to the Gymnasia of Higher Sciences as an important factor in the formation of the creative personality of the writer.

The aim of the article is to define a possible "dialogue" between the two authors at the Higher Education Gymnasium locus, as well as the textual and plot juxtaposition of the idyll of Gogol's "Ganz Kiukhelgarten" and I. Kulzhinsky's "Little Russian Village", created at about the same time.

Key words: discourse, Gymnasia, literature, creativity, Petersburg, Nezhin, dichotomy "the capital – the province".

Тема "Гоголь и Кулжинский" в гоголеведении не нова, однако лишь современные исследовательские стратегии, направленные на изучение нежинского периода биографии Гоголя с учетом специфики этнокультурного пространства Нежина, особой интеллектуальной атмосферы Гимназии высших наук, а также деятельности "нежинской литературной школы" могут обеспечить полноту ее изучения. Результаты таких научных практик дают существенные основания рассматривать гимназический период как определяющий в формировании художественно-образного мира Гоголя и пробуждения творческого начала.

Поиски возможного "диалога" двух авторов в локусе Гимназии высших наук и произведений, созданных приблизительно в одно

время – идиллии "Ганц Кюхельгартен" Гоголя и "Малороссийской деревни" И. Кулжинского – вызывают интерес. Наше внимание привлекает процесс творческого вызревания и творческих контактов Гоголя в нежинский период, поэтому считаем важной данную им критическую оценку "Малороссийской деревни", а также нелицеприятную характеристику учителя-латиниста в письме к выпускнику Гимназии Г. И. Высоцкому. Впоследствии волей судьбы оказалось, что И. Г. Кулжинский – единственный из нежинских учителей, оставивший мемуары о Гоголе-гимназисте.

В фокусе исследования И. Кулжинский-писатель, именно эта грань его деятельности в стенах Гимназии вызвала уничижительную критику Гоголя: "Теперь у нас происходят забавные истории и анекдоты с Иваном Григорьевичем Кулжинским. Он напечатал свое сочинение под названием Малороссийская деревня. Тот литературный урод причиною всех его бедствий; когда он только проходит через класс, тотчас ему читают отрывки из Малороссийской деревни, и почтенный князь бесится сколько есть духу, когда же он бывает в театре, то кто-нибудь из наших объявляет громогласно о представлении новой пьесы; ее заглавие Малороссийская деревня, или Закон дуракам не писан, комедия-водевиль. Несколько раз прибегая к покровительству и защите Конференции и, наконец, видя, что его жалобы худо чествуют, решился унижительно и смиренно просить нашей милости не рушить стихотворное его спокойствие и не срамить печатный бред его, а особенно не запирасть его в канцелярии с майором Шишкиным как до сего делано" [1, с. 88].

Рассказ о злоключениях И. Г. Кулжинского можно рассматривать сквозь призму рукописной сатиры Гоголя "Нечто о Нежине, или Дуракам закон не писан" (1826), экземпляра которой был у Г. Высоцкого, адресата цитированного письма, а впоследствии по требованию автора возвращен [2, с. 24–25]. Заметим, что именно в письмах Гоголя Г. Высоцкому, явственно означена дихотомия "провинция" (существователи, прозябание, серость) – столица" (удивительный город, гражданское служение, круг единомышленников, общение, творческая реализация). Сообщаемые Гоголем детали, а также история И. Г. Кулжинского – дополнительные штрихи к картине "Нечто о Нежине", иллюстрирующие бесперспективность провинциальной жизни, обреченность и прозябание.

И. К. Кулжинский изображается в комическом ключе, для большего эффекта он "вписан" в контекст гимназической жизни: театр – средоточие творческой жизни гимназистов; анфиладное

расположение классов, через которые проходит учитель, чтобы попасть к своим ученикам; Конференция и канцелярия Гимназии, а также еще одна жертва издевательств воспитанников – экзекутор С. И. Шишкин. Из рассказа Гоголя вытекает, что места, где мог бы найти убежище от насмешек автор сочинения, не было. Остается незадачливому, с точки зрения неформального литературно-творческого сообщества Гимназии, литератору И. Г. Кулжинскому признать, что его творение – "печатный бред" и просить не нарушать "стихотворное его спокойствие".

На момент выхода "Малороссийской деревни" И. Г. Кулжинский преподавал в третьем языковом отделении, где Гоголь был оставлен на второй год (1825–1826, 1826–1827 уч.год) и был не лучшим его учеником. Отношение к экзекутору С. И. Шишкину (с 1826 г.) вполне объяснимо, поскольку в Гимназии существовала практика наказаний, в том числе и телесных для воспитанников младших классов. Гоголь еще упоминает Конференцию, к защите которой И. Г. Кулжинский якобы неоднократно прибегал. В этом случае видим яркий пример гиперболизации. Книга И. Г. Кулжинского увидела свет в начале 1827 года, (уже в февральском номере "Московского телеграфа" (1827, ч. 13, № 3, с. 230–236) появилась на нее рецензия Н. Пец-Галуховского), вероятно, в это же время она попадает в руки нежинских гимназистов. Нежинские новости Гоголь сообщает в середине марта. Заседания Конференции проводились, как правило, дважды в месяц, но именно в это время ожидали нового директора Д. Е. Ясновского, его пребывание в Чернигове затянулось, он требовал письменных отчетов о деятельности Гимназии, что значительно усложняло работу и. о. директора К. В. Шапалинского.

Гоголь явно незаслуженно причисляет преподавателя и писателя И. Г. Кулжинского к нежинским "существователям". Не желая признавать явных жизненных успехов молодого преподавателя (выдержал своеобразное испытание латынью у И. С. Орлая, занял должность преподавателя Гимназии, в 23 года уже обзавелся семьей (известно о проделках пансионеров в гимназическом саду, которые пусканием фейерверков испугали находящуюся "при беременном <положении> жену" Кулжинского [3, с. 383–384]), Гоголь называет в письме его "почтенным князем", что является прямой отсылкой к описаниям свадебного обряда в "Малороссийской деревне": "жених и невеста слынут под общим названием молодого князя и молодой княгини" [4, с. 58]. Подтверждая таким образом свое знакомство с содержанием книги, Гоголь выносит вердикт: "литературный урод", "печатный

бред". Попутно укажем на пунктирно наметившуюся перекличку сочинения И. Г. Кулжинского с литературными опытами самого Гоголя – искажение им названия ("Малороссийская деревня, или Закон дуракам не писан, комедия-водевиль") частично наслаивается на название рукописной гоголевской сатиры "Нечто о Нежине, или Дуракам закон не писан".

Отталкиваясь от цитаты из приведенного письма Г. Высоцкому, можно придти к заключению, что Гоголь также не был готов воспринимать и творческие успехи И. Г. Кулжинского, которому ко времени выхода "Малороссийской деревни" едва исполнилось двадцать четыре года. Судьба литератора складывалась довольно успешно, он снисходительно отзывался о художественных пристрастиях профессора российской словесности П. И. Никольского, ссылаясь на его почтенный возраст (около сорока лет) и литературную отсталость (апологет классицистической литературы). Многие гимназисты это мнение разделяли. Н. Кукольник с товарищами были вынуждены слушать в исполнении профессора длинейшее эпическое сочинение "Ум и Разум", название которого иронически обыгрывали в своем кругу – "Ум за Разум". В то время, когда гимназисты только начинают издавать рукописные журналы "Звезда", "Метеор литературы", "Северная заря", "Литературное эхо" и др., И. Г. Кулжинский уже активно печатает свои стихотворения в "Дамском журнале", сотрудничает с "Украинским журналом". Вместе с тем он свободно общается на литературные темы с отдельными гимназистами, по его рекомендации некоторые (Е. Гребенка, М. Риттер) из них отправляли свои сочинения в периодические издания. Увлеченные литературой гимназисты стремились к творческой реализации. Вполне возможно, что мощным катализатором творческих потенций воспитанников, в том числе и Гоголя, являлись публикации. В "Северном архиве" (СПб., 1826, № 8) вышло этнографическое исследование одноклассника Гоголя П. Лукашевича "О примечательных обычаях и увеселениях малороссиян на праздник Рождества Христова и в Новый год", а в "Дамском журнале" лирическое стихотворение другого одноклассника Михаила Риттера "К И.П.С." (М., 1826, № 19) [5, с. 113, 128].

Гоголь, активный участник литературной жизни Гимназии, мог пока об этом только мечтать. После острой критики повести в высоком стиле "Братья Твердиславичи" членами литературного сообщества Гоголь разорвал рукопись и бросил в печь. Элегию "Новоселье" ("Непогода") он поместил в рукописном журнале "Метеор литературы". Заводит "Книгу всякой всячины", в которую вписывает все, что его

интересует из различных областей знания, в том числе и этнографического характера. Произведением, на которое Гоголь возлагал большие надежды, но они не оправдались, возможно, является его рукописная сатира "Нечто о Нежине, или Дуракам закон не писан" [6, с. 213–256], сочиненная в первую половину 1826 года. О ее существовании стало известно от Г. Высоцкого, уехавшего после окончания Гимназии в 1826 году в Петербург. Учитывая доверительный характер переписки с Г. Высоцким, которого Гоголь избрал своим конфидентом, и на его помощь и поддержку в северной столице после окончания Гимназии рассчитывал, можно предположить, что копия сатиры оказалась у Высоцкого в Петербурге не случайно. Возможно, за этим стоит неудачная попытка с помощью гимназического товарища найти издателя. Дальнейшую судьбу сочинения, не получившего признания, предсказать совсем не сложно – под предлогом утраты оригинала, Гоголь еще до окончания учебы истребовал копию обратно.

Идиллия Гоголя "Ганц Кюхельgarten", задуманная в результате постигнутого "переворота", писалась в последний год пребывания в Гимназии и стала его первым печатным произведением. Поэтологический дискурс "Ганца Кюхельgartена" Гоголя и "Малороссийской деревни" И. Г. Кулжинского является предметом отдельного рассмотрения.

Сегодня идиллия "Ганц Кюхельgarten" вызывает повышенный научный интерес. Всестороннее изучение сочинения, в котором "многое от будущего Гоголя" (В. Адамс), обеспечивает дальнейшие перспективы осмысления творческой эволюции писателя. Литературно-критической мыслью XIX в. "Ганц Кюхельgarten" был воспринят как слабое, незрелое и подражательное сочинение, однако на рубеже XIX–XX веков в спектре исследовательских стратегий того времени актуализировались вопросы литературных источников и поэтики поэмы, творческой манеры ее создателя, соотношения автора и героя. В 20–30-е гг. XX в. изучение жанрово-стилевой специфики "Ганца Кюхельgartена" приводит к преодолению сложившейся тенденции противопоставлять первый литературный опыт Гоголя его последующему творчеству. Важными в этом отношении представляются выводы В. В. Гиппиуса [7], основанные на концепции "трех идиллий" ("Ганц Кюхельgarten", "Старосветские помещики", "Выбранные места из переписки с друзьями"), а также В. Адамса [8] о непрерывном творческом развитии Гоголя от "Ганца Кюхельgartена" до "Выбранных мест...". Изыскание последнего содержало

основательную оценку раннего творчества Гоголя: ключом к пониманию служит "Ганц Кюхельgarten"; еще незрелой манере письма юного автора легко обнаруживаются литературные источники, стилевые влияния.

В фокусе современных литературоведческих практик М. Алексеева, В. Вацуро, Г. Фридлиндера, М. Вайскопфа, Э. Жилиякова, В. Кошелева, Ю. Манна, Е. Третьякова и др., направленных на изучение юношеской идиллии "Ганц Кюхельgarten", находятся некоторые вопросы, требующие исследовательского внимания. В частности, важным представляется замечание Ю. В. Манна: "Факт написания поэмы в полной тайне от окружающих биографами писателя недооценен" [9, с. 157]. Одной из возможных причин исследователь считает неуверенность юного автора в своих силах.

Позволим высказать иное мнение. Отталкиваясь от тезисов о новой эстетике, к которой пришел Гоголь-гимназист, его ощущении внутреннего превосходства, основанном на осознании своего избранничества, а также от известного откровения "мне всегда казалось, что я сделаюсь человеком известным" ("Авторская исповедь"), можно прийти к следующим выводам. Гоголь задолго до своего отъезда из Гимназии разработал стратегию, в основе которой лежит идея творческой "самопрезентации", реализация которой возможна только в Петербурге. То, как он с оттенком некоторого превосходства излагает Г. Высоцкому историю поражения И. Г. Кулжинского, наталкивает на мысль, что работа над "Ганцом Кюхельgartenом" идет полным ходом и, в отличие от провала "Малороссийской деревни", в будущем успехе своего творения он не сомневается. Глубина гоголевского замысла предполагала определенную режиссуру не только подачи / восприятия произведения, но и создания собственного образа (автор скрывается под выдуманным именем, предисловие служит его мифологизации). Публикация, окутанного ореолом тайны сочинения, которое "никогда бы не увидело света, если бы обстоятельства, важные для одного только Автора, не побудили его к тому" (из предисловия к идиллии "Ганц Кюхельgarten"), должна вызвать у читателя эффект неведения и ожидания. Вот тогда придет время явиться Автору. Таким образом, разработка стратегии авторской самопрезентации Гоголя имеет нежинскую природу, тесно связана с творческими исканиями (в том числе и с апостольством [10]) на всех этапах его жизни.

Литература

1. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений : в 14 т. / Н. В. Гоголь. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937–1952.

- Т. 10 : Письма, 1820–1835. – 540 с.
2. Николай М. [Кулиш П.] Записки о жизни Н. В. Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем : в 2 т. / М. Николай [П. Кулиш]. – СПб., 1856.
Т. 1. – 1856. – 340 с.
3. Гоголь в Нежинской гимназии высших наук : антология мемуаров / П. В. Михед, Ю. В. Якубина. – СПб. : Пушк. Дом, 2014. – 628 с.
4. Малороссийская деревня : историко-этнографический очерк / Соч. И. Кулжинского. – М., 1827.
5. Летопись жизни и творчества Николая Гоголя. Нежинский период (1820–1828) / сост.: Н. М. Жаркевич, З. В. Кирилук, Ю. В. Якубина. – 2-е изд. – Нежин : ООО "Вид-во "Аспект-Поліграф", 2009. – 260 с.
6. Якубіна Ю. В. Гоголь і Гімназія вищих наук: біографічний та ейдологічний виміри / Ю. В. Якубіна. – Ніжин : НДУ ім. М. Гоголя, 2012. – 366 с.
7. Гиппиус В. Гоголь / В. Гиппиус. – М. : Аграф, 1999. – 464 с.
8. Адамс В. Идиллия Н. В. Гоголя "Ганц Кюхельgarten" в свете его природоописаний / В. Адамс // Ученые записки Тартуского университета. Филологические записки. – Тарту : Научн. литерат., 1946. – Вып. 1. – 50 с.
9. Манн Ю. "Сквозь видный миру смех..." Жизнь Н. В. Гоголя 1809–1835 / Ю. Манн. – М. : МИРОС, 1994. – 701 с.
10. Михед П. "Наиближчий до Христа" (Про функцію іконографії в новій естетиці Гоголя) / П. В. Михед // Кризь призму бароко. – К. : Ніка-Центр, 2002. – С. 154–160.